

« П е т е р б у р г с к и й д н е в н и к » п р е д с т а в л я е т

Юрий
Лебедев

В истории блокадного Ленинграда как нигде переплелись людские судьбы. Через 70 лет открываются новые страницы войны, рассказывающие о советских солдатах и жителях города, о трудном пути к примирению ветеранов России и Германии

Уходящие
в вечность

Писатели на войне, писатели о войне

Писатели на войне, писатели о войне

Юрий Лебедев

Уходящие в вечность

«Информационно-издательский центр
Правительства Санкт-Петербурга»

2015

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622.11

Лебедев Ю. М.

Уходящие в вечность / Ю. М. Лебедев — «Информационно-издательский центр Правительства Санкт-Петербурга»,
2015 — (Писатели на войне, писатели о войне)

ISBN 978-5-91498-070-9

Книга рассказывает о советских солдатах, защищавших наш город в годы блокады, и о ленинградцах, которые старались выжить в условиях голода и холода и спасти от смерти своих близких. Автор отдает дань уважения людям, оставившим заметный след в военной истории Ленинграда: В. Говорову, М. Дудину, Д. Гранину, В. Ковальчуку, Н. Никулину. Отдельной темой выделена реализация межправительственного российско-германского соглашения по уходу за воинскими захоронениями, которая в книге отражена встречами между советскими и немецкими ветеранами войны, совместными акциями примирения, поддержанными властями и ветеранскими организациями Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Автором, военным переводчиком, проделана большая работа по поиску и переводу неизвестных ранее архивных немецких документов. Это, в частности, касается историй немецких соединений, противостоявших 86-й стрелковой дивизии, в составе которой на Невском пятачке воевал и был тяжело ранен отец президента России Владимира Путина.

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622.11

ISBN 978-5-91498-070-9

© Лебедев Ю. М., 2015

© Информационно-издательский центр
Правительства Санкт-Петербурга, 2015

Содержание

Уходящие в вечность	6
Вспоминая войну	7
История Невского пяточка	7
Создание Невского плацдарма	9
Бои на пяточке достигают наивысшего напряжения	11
Невский плацдарм временно прекращает существование	12
Полгода передышки	14
Возрождение Невского плацдарма	15
Роль плацдарма в прорыве блокады	16
Еще раз о потерях на Невском пяточке	17
Блокадный дневник Клавдии Никифоровой	18
Однофамильцы	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Юрий Лебедев

Уходящие в вечность

Уходящие в вечность

*Выражаю глубокую признательность за помощь в подготовке
этой книги моей жене и соратнице
Ларисе Алтеевой*

Вспоминая войну (часть первая)

История Невского пятачка

Взгляд с обеих сторон

Уже свыше 70 лет отделяют нас от того сентябрьского дня 1941 года, когда на левом берегу Невы возник крохотный плацдарм, вошедший в историю под названием «Невский пятачок». Споры о том, нужен ли он был или нет, не утихают и сегодня. Они ведутся историками, очевидцами тех событий и представителями послевоенного поколения, которые обсуждают его целесообразность с точки зрения цены человеческой жизни.

Думается, ответ надо искать, оценивая те события глазами людей военного поколения. Президент России Владимир Путин, отец которого воевал на Невском пятачке, так ответил журналистам: «Я думаю, что на войне всегда бывает много ошибок. Но если ты воюешь и думаешь о том, что вокруг тебя все ошибаются, то никогда не победишь. Они тогда думали о победе». Отец Путина, солдат 330-го стрелкового полка 86-й стрелковой дивизии, получив в ноябре 1941 года тяжелое ранение на Невском плацдарме, навечно был искалечен той войной.

Характерно, что в Германии о тяжелейших боях за Невский пятачок мало что известно. Казалось бы, это странно. Ведь в нашей литературе потери немцев на пятачке описаны как огромные. Тем не менее в «Военном дневнике» начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдера Невский плацдарм, как конкретная военная цель, обойден вниманием. В завуалированной форме, однако, он фигурирует как «атаки местного значения на Ладожском участке фронта» (здесь и далее см. список литературы в конце книги).

Видимо, на уровне Верховного командования вермахта этот крохотный участок суши, отвоеванный с таким трудом и с такими потерями нашими войсками, был занозой, достаточно болезненной, но не столь уж важной, чтобы обращать на него особое внимание.

Но значит ли это, что немецкие военачальники, непосредственно находившиеся под Ленинградом, недооценивали опасность расширения советскими войсками плацдарма на левом берегу Невы?

Ответ на этот вопрос удалось найти в немецкой книге «Дневниковые заметки и оценки обстановки в ходе двух мировых войн» генерал-фельдмаршала Вильгельма Риттера фон Лееба. В ней командующий группой армий «Север» тридцать три раза уделил внимание данному участку фронта, поскольку серьезно был озабочен обстановкой в этом районе.

Истории немецких дивизий, блокировавших плацдарм с сентября 1941 года по февраль 1943 года, также достаточно полно освещают этот вопрос. К сожалению, они стали доступными лишь в последние годы и до сих пор еще мало изучены.

Для жителей блокадного Ленинграда и сегодняшних петербуржцев Невский плацдарм остается героической и одновременно трагической памятью о шестнадцати месяцах боев, предшествующих прорыву блокады города на Неве.

Анализируя ход боев на Невском пятачке, задумываешься о том, что предшествовало его образованию. При этом интересно сопоставить наши и немецкие данные.

Первый вопрос, который достаточно часто возникает и продолжает обсуждаться историками и литераторами: «Намеревались ли немцы форсировать Неву в начале сентября 1941

года?» Второй вопрос: «Делали ли они конкретные попытки переправиться на другой берег, и если да, то в составе каких подразделений?»

У авторитетных немецких военных историков В. Хаупта и Х. Польмана упоминаний о попытках форсирования Невы в сентябре 1941 года нет, что наводит на мысль об отсутствии детальных планов и разработок. За 70 послевоенных лет в архивах вермахта в Германии и США пока так и не обнаружено карт, схем и даже приблизительных описаний плана переброски немецких войск на другой берег Невы. Но означает ли это, что таких мыслей вообще не было?

Изданная в Германии в 1997 году «Хроника и история 20-й моторизованной немецкой дивизии», которая вышла к Неве в конце августа 1941 года, этот вопрос проясняется следующей записью: «31 августа 1941 года командир 39-го моторизованного корпуса отдал письменный приказ, в котором, в частности, говорилось: “20-й моторизованной дивизии овладеть плацдармом на противоположной стороне Невы в районе Островки или Дубровка”».

Правда, при этом не обговаривались сроки и не ставились конкретные задачи. Видимо, расчет делался на благоприятность ситуации, прояснить которую могли разведывательные группы. В этом случае вероятность переправы немцев на правый берег была бы достаточно большой. Подтверждением реальности намерений противника являются воспоминания И. С. Сазонова из книги «Невский пятачок». Он пишет: «31 августа мелкие подразделения врага пытались у Ивановских порогов переправиться на наш берег. Вечером 2 сентября около взвода гитлеровцев на лодках переправились через Неву, чтобы захватить маленький остров у д. Кузьминки. В ответ на наш огонь немцы, повернув лодки, стали поспешно уходить».

Желание переправиться через Неву, без сомнения, было у Верховного командования вермахта большим. Об этом, в частности, свидетельствует такая запись из «Военного дневника» Ф. Гальдера от 5.10.1941: «На Карельском фронте действуют лишь незначительные финские силы, которые, однако, смогут начать наступление, если мы форсируем Неву».

Немцы отказались от дальнейших попыток форсирования Невы, убедившись, что получают достойный отпор, так как на правый берег реки постепенно подтягивались советские войска. Кроме того, к тому времени Гитлер уже определился с судьбой Ленинграда, решив умирить его голодом блокады, и начал перебрасывать ударные силы на Москву.

Примечательно, что и наши, и германские военачальники оказались едины в определении возможных плацдармов на одних и тех же участках, только по разным берегам Невы. Вот какую характеристику дает в книге «Невский пятачок» генерал-майор В. Ф. Коньков, командир 115-й стрелковой дивизии: «Создалась угроза, что противник обязательно предпримет действия по форсированию Невы, вероятнее всего у Ивановских порогов или в районе Невской Дубровки. Выбор этих мест во многом обусловлен географическим фактором: выше и ниже по течению Невы берега крутые, там много болот, а в тех местах, что я назвал, – берега пологие, от них на север, к финнам, ведут хорошие дороги. Это известно немцам».

Именно в этих местах в ночь с 19 на 20 сентября начнут форсирование Невы наши подразделения, учитывая, что на той стороне находятся подготовленные дороги, ведущие на соединение с войсками Волховского фронта, от которых их отделяли 12–15 километров. Но преодолеть это расстояние удастся лишь через шестнадцать месяцев жестоких, кровопролитных боев.

Несмотря на малый срок времени, отведенный на подготовку первой операции по форсированию Невы, нашим войскам все-таки удалось провести первичную разведку местности, занятой противником. В ночь на 12 сентября 1941 года пятеро разведчиков 115-й стрелковой дивизии пересекли на лодке Неву, собрали данные о движении транспорта и боевой технике противника в районе 8-й ГРЭС и без потерь вернулись на правый берег.

Создание Невского плацдарма

Возможно, именно это и помогло успешно преодолеть Неву в темную, дождливую ночь с 19 на 20 сентября десантникам капитана Василия Дубика из 115-й стрелковой дивизии. Бесшумно высадившись на левом берегу у Московской Дубровки, они бросились в первую траншею. Захваченные врасплох немецкие солдаты из 20-й моторизованной дивизии на первых порах не смогли оказать серьезного сопротивления. Расширяя плацдарм, десантники пробивались к шоссе Ленинград – Шлиссельбург и завязали бои на подступах к деревне Арбузово. Двое суток они вели отчаянные схватки с врагом, надеясь на обещанную помощь. Почти все во главе с Дубиком погибли. Где похоронен первый герой пятачка, сегодня неизвестно, хотя очевидцы утверждают, что перенесли его на правый берег и предали земле с воинскими почестями. В тот же день севернее, в районе деревни Марьино, попытался высадиться стрелковый батальон 1-й дивизии НКВД, но потерпел неудачу. Тем не менее в течение нескольких последующих дней на пятачок, который первоначально по фронту составлял около трех километров в длину и до километра в глубину, были переправлены два батальона и разведроты 115-й стрелковой дивизии, батальон НКВД (всего 1166 чел.) и три батальона 4-й бригады морской пехоты. К концу сентября потери в пехоте составили 865 человек, а у моряков они достигли 80 процентов. Размеры плацдарма при этом сократились до двух километров по фронту и около 500 метров в глубину.

Но и немецкая 20-я моторизованная дивизия с приданными ей 424-м полком 126-й пехотной дивизии и 287-м полком 96-й пехотной дивизии внезапно оказалась в затруднительном положении. Растянутые по фронту от Шлиссельбурга до Отрадного подразделения (до 10 км на батальон) не в состоянии были воспрепятствовать закреплению наших десантировавшихся солдат на левом берегу. В течение нескольких дней 20-я моторизованная дивизия потеряла убитыми и ранеными 530 человек. Не помог ей и присланный для поддержки батальон 8-й танковой дивизии, потерявший четыре танка. Немецкое командование начало осознавать серьезность этого участка фронта и опасность возникшей ситуации. Хроника 20-й моторизованной дивизии фиксирует: «Становится ясным намерение противника за счет усилившихся попыток переправы через Неву прорвать блокаду Ленинграда в тесном взаимодействии с силами, атакующими с восточного направления». Прибывшему в Шлиссельбург 24 сентября представителю ставки Верховного командования вермахта генералу Ф. Паулюсу докладывают, что войска измотаны непрерывными боями, а 20-я моторизованная дивизия больше не способна на наступательные действия. Покидая в начале октября Невский участок фронта, дивизия имела убитыми и ранеными 2411 солдат из 7 тысяч человек боевого состава.

Ненамного улучшили положение срочно переброшенные в конце сентября по воздуху два полка 7-й критской авиадесантной дивизии. «Лучше трижды прыгать с парашютом на остров Крит, чем провести один бой на земле в России», – говорили не ожидавшие такого ожесточенного сопротивления немецкие десантники. Когда они заняли позиции у Московской Дубровки, то обнаружили, что окопы были заполнены телами убитых в предыдущих боях. Русские лежали рядом с трупами немецких солдат.

В результате упорных боев два передних края настолько сблизились, что в минуты затишья можно было услышать разговор и даже кашель простуженных солдат противника. Вот как это описывается в книге немецкого историка Г. Водажа «Прошедшие ад»: «Пулеметы, винтовки, ручные гранаты, приклады, саперные лопатки и штыки были оружием, с которым бросались друг на друга солдаты с обеих сторон. Страшный исход этих боев и через десятилетия остается в памяти бывших немецких десантников».

Тем не менее немецкому командованию Невского участка фронта удалось добиться главного: пятачок был локализован, пристрелян вместе с местами переправ на другом берегу, а

обстановка взята под контроль. Немецкие пехотные батальоны получили возможность для оборудования позиций, установки проволочных заграждений и планомерного минирования восточного берега Невы.

Бои на пятачке достигают наивысшего напряжения

Синявинская операция по прорыву блокады войсками Невской оперативной группы началась 20 октября 1941 года. На этот раз фактор внезапности использовать не удалось. Противник предвидел возможность наступления советских войск. Едва началась переправа через Неву, как весь район сосредоточения шлюпок и катеров подвергся обстрелу из пушек и пулеметов. Только что спущенные на воду десятки лодок разом превращались в щепки. Тем не менее переправа продолжалась, и в результате многодневных боев частям 86-й стрелковой дивизии удалось расширить плацдарм по фронту на один километр. Но в итоге в дивизии осталось всего 177 активных штыков. В других соединениях положение было таким же: 265-я стрелковая дивизия сократилась до 180 человек, 168-я имела 175 человек. И только в 115-й стрелковой дивизии насчитывалось 1324 человека благодаря переброшенному накануне пополнению. Большие потери были в 20-й дивизии НКВД, 123-й отдельной танковой бригаде и других частях. Исходя из этих цифр, становится ясно, как могли одновременно до девяти дивизий и бригад находиться на крохотном участке земли, нарушая все нормативы, предусмотренные боевым уставом. Соединениями их можно было назвать лишь условно. Фактически они были выбиты до состояния рот.

Но и немцам был нанесен большой урон. 96-я пехотная дивизия, переброшенная в конце сентября на Невский участок фронта, имела к началу ноября потери в ротах до 40 человек убитыми и до 70 человек ранеными. Оценивая те бои, Х. Польшманн в «Истории 96-й пехотной дивизии» отметил, что «русские продемонстрировали удивительное умение в создании плацдармов и необыкновенное упорство в их удержании».

8 ноября Сталин лично потребовал провести новую операцию с Невского плацдарма, предложив создать «ударные полки из смелых людей, которые смогут пробить дорогу на восток». Операция, которая началась 11 ноября, стала одной из самых кровопролитных для наших войск, находившихся на пятачке. По неполным данным, за пять дней боев 8-я армия, сформированная на базе Невской оперативной группы, потеряла свыше 5 тысяч человек. Особенно крупными были потери в трех ударных коммунистических полках – более 2500 человек.

Тем временем противник подтянул к Неве свежую 1-ю пехотную дивизию, которая также сразу понесла крупные потери. К середине декабря из строя было выведено 1500 человек. Ежедневно дивизия теряла около 90 солдат. В результате уже к 24 ноября боевой состав 1-го батальона 1-го пехотного полка составлял лишь 90 человек, 2-го и 1-го батальонов 22-го пехотного полка – по 88 человек.

Эти бои потребовали почти нечеловеческих усилий для обеих сторон. Из-за отсутствия теплых землянок, оборудованных окопов, сильного, холодного ветра и советские, и немецкие солдаты были вынуждены выдерживать немыслимо суровые испытания. Стрелка термометра опускалась до минус 25 градусов. То, что строилось за ночь, днем по большей части разрушалось артиллерией. В связи с нехваткой личного состава противники постоянно находились либо в бою, либо несли дежурство. Они могли спать не более четырех часов. Для характеристики тех боев примечателен такой факт: средний ежедневный расход ручных гранат у немецкой стороны составлял 8 тысяч штук. Немецкие военные историки педантично подсчитали, что русские с 15 ноября по 27 декабря 1941 года атаковали небольшими боевыми разведывательными группами 79 раз, в составе до двух рот – 66 раз, в составе от батальона и выше – 50 раз. То есть в среднем около пятнадцати раз в течение суток! При отражении шестнадцати танковых атак немцами был уничтожен 51 танк, в основном типа KV и Т-34.

Невский плацдарм временно прекращает существование

В конце декабря 1941 года активность противостояния начала снижаться. И та и другая сторона выдохлись и были уже не в состоянии выдерживать напряжения столь ожесточенных боев. Именно в те дни среди защитников плацдарма родилась поговорка: «Кто на Невском пятачке не бывал, тот горя не видал». Крылатой стала и такая фраза: «Кто под Дубровкой смерть миновал, тот во второй раз рожден».

Наступил 1942 год. Пятачок держался, хотя и уменьшился до двух километров по фронту и 600 метров в глубину. Измотанные боями и ослабленные потерями остатки советских дивизий были выведены на правый берег Невы. Их сменили 10-я стрелковая дивизия и отдельные подразделения 177-й дивизии.

В марте на левом берегу Невы оставался лишь 330-й полк 86-й стрелковой дивизии, в котором было не более 480 бойцов. Вместе с приданными ему 2-й ротой 120-го саперного батальона и 4-й ротой 169-го минометного дивизиона и других мелких подразделений его численность была доведена до 600 человек. Незадолго до весеннего ледохода на пятачок были дополнительно переправлены еще около 500 бойцов из состава 284-го стрелкового полка. Общая численность обороняющихся составила около тысячи советских солдат.

С немецкой стороны перед фронтом советских подразделений находился 1-й пехотный полк 1-й пехотной дивизии, насчитывавший около 3500 человек. Постепенно противник концентрировал свои части, готовясь воспользоваться ледоходом на Неве и нанести решающий удар.

24 апреля лед на реке затрещал. В тот же день командование немецкой 1-й пехотной дивизии приступило к ликвидации плацдарма. Операция 1-го пехотного полка, усиленного за счет подразделений 43-го пехотного полка и 1-го саперного батальона, включала два этапа: захват так называемого коридора (северная часть пятачка) и последующее уничтожение его целиком. Для этого дополнительно была обеспечена мощная артиллерийская поддержка силами 1-го артиллерийского полка, 2-го дивизиона 196-го артиллерийского полка и 2-й батареи реактивных минометов 9-го отдельного артиллерийского дивизиона. В 20 часов 20 минут 24 апреля внезапной атакой немцам удалось прорваться к берегу Невы и закрепиться там. Огневые точки и окопы переднего края были уничтожены мощным артиллерийским огнем. Последнее подкрепление защитникам пятачка поступило 26 апреля. Это были две роты 284-го полка. Вместе с ними, судя по донесениям из архива Министерства обороны, бой на плацдарме на заключительном этапе вели 382 советских солдата.

С утра 27 апреля подразделения 330-го и 284-го стрелковых полков отошли к центру плацдарма на 300–400 метров. Вся прибрежная часть Невы оказалась в руках немцев. Создалась критическая ситуация. Последнее, что видели с правого берега Невы, это кусок маскировочного халата, на котором крупными буквами было написано: «Помогите!»

Унтер-офицер В. Буфф из 227-й пехотной дивизии, корректировавший в те дни огонь по пятачку, записал в своем дневнике: «Операция на плацдарме 27 апреля, в которой мы участвовали, стоила противнику, по сообщению командования сухопутных войск, 1400 убитых, 9 орудий и 6 танков. Когда плацдарм был уже в наших руках, русские сделали безнадежную попытку переправиться через Неву на лодках, чтобы перейти в контратаку. То, что не было уничтожено при переправе, было завершено при высадке. Не знаешь, чему больше удивляться: безумству тех, кто отдал приказ на эту безнадежную операцию, или мужеству смертников, выполнявших его. Погибшие русские были в большинстве своем молодыми парнями в возрасте 16–19 лет, но и у нас были тяжелые потери».

В октябре 2004 года мне довелось поработать в немецком городе Фрайбург в архиве вермахта, где имелись, наряду с другими, документы 1-й пехотной дивизии с картами о прове-

дении этой операции. В них я нашел, в частности, подтверждение тому, как наше командование пыталось помочь защитникам пятачка. В приказе по 1-й пехотной дивизии от 29 апреля 1942 года так говорится об этом: «Все попытки противника переправиться через реку успешно отражены. Девять переполненных лодок (от 20 человек и более в каждой. – Ю. Л.) потоплены».

Но и для немцев эти бои были кровопролитными. Донесение 1-го пехотного полка о потерях в ходе операции по ликвидации советского плацдарма скрупулезно подтверждает это: убит 81 солдат, ранены 389 и пропали без вести 19 человек. Всего выбыли из строя 489 солдат. По немецким данным, наши потери в целом составили 1400 человек. В плен были взяты 117 советских солдат, в том числе четыре офицера во главе с командиром 330-го полка майором С. А. Блохиным. В плен его взяли в бессознательном состоянии после тяжелого ранения в обе ноги. В немецком госпитале их ампутировали, а затем для Блохина наступили долгие годы скитаний по лагерям военнопленных и послевоенная борьба за реабилитацию своего честного имени.

Так закончился первый полугодовой этап наиболее кровопролитных боев защитников Невского плацдарма.

Полгода передышки

Последующие месяцы в весенний и летний периоды 1942 года участок Невского фронта, а вместе с ним и территория бывшего Невского пятачка последовательно занимались подразделениями 12-й танковой, а затем и 28-й легкопехотной дивизиями вермахта. Осенью им на смену прибыла «крымская» 170-я пехотная дивизия.

«Только старые командиры, познавшие бойню Первой мировой войны, могли припомнить, что видели нечто подобное Невскому плацдарму. Лишь изредка торчал раздробленный пенёк дерева на земле, перепаханной тяжелой артиллерией, реактивными минометами и авиабомбами. Подбитые танки стояли возле глубоких воронок и окопов, ведущих к русским траншеям. Из стен окопов торчали руки и ноги убитых русских солдат. Все остальное было засыпано землей после взрывов снарядов. Кругом были минные заграждения» – такое описание дает Х. Кардель в «Истории 170-й пехотной дивизии».

Советские солдаты, участники боев за пятачок, дают схожую оценку. В воспоминаниях А. Соколова в сборнике «Невский пятачок» так описывается плацдарм, отвоеванный осенью 1942 года: «Страшная картина открылась перед нами. Клочок выжженной земли, сплошь покрытой осколками разорвавшегося металла, представлял собою лабиринт окопов и траншей, в котором легко было заблудиться. Поверх всех траншей, ходов сообщения, блиндажей в беспорядке лежало великое множество «ежей» – мотков и рогаток из колючей проволоки. Многими участками траншей и ходов сообщения давно никто не пользовался: они осыпались от разрывов мин и снарядов, стали мелкими».

Возрождение Невского плацдарма

Силами стрелкового батальона 9 сентября 1942 года была предпринята попытка переправиться на левый берег Невы в районе Московской Дубровки. Однако она не удалась. В ночь с 25 на 26 сентября началось форсирование Невы сразу в нескольких местах. Удачной оказалась попытка захвата небольшого плацдарма у деревни Арбузово, рядом с тем местом, где ранее был Невский пятачок. Так началось его второе рождение. За ночь удалось перебросить передовые группы 70, 86, 46-й стрелковых дивизий и 11-й отдельной стрелковой бригады. На какое-то время на левом берегу возникла неразбериха: в снарядных воронках, почти что рядом с советскими бойцами, укрывались немецкие пехотинцы. Опасаясь попасть по своим, ни та ни другая сторона временно не использовала артиллерийские средства. В течение следующего дня пятачок восстановил свои прежние границы.

В ночь на 6 октября по приказу советского командования Невский плацдарм был временно оставлен. Два дня на том берегу не было никого из наших бойцов. И удивительное дело: в течение двух суток, не снижая плотности огня, немцы усиленно долбили снарядами и минами «гнойник 170-й пехотной дивизии», как они называли пятачок, ни разу не осмелившись его атаковать. Не обнаружило немецкое командование и повторного занятия пятачка сводной ротой из добровольцев 70-й стрелковой дивизии в ночь на 8 октября. 11 октября подразделения 46-й стрелковой дивизии сменили эту роту и оставались на плацдарме до окончания его существования в феврале 1943 года. За это время они отразили до 300 атак противника.

Роль плацдарма в прорыве блокады

12 января 1943 года началась операция «Искра», завершившаяся 18 января долгожданным прорывом блокады Ленинграда. Однако наступление с Невского плацдарма вновь не имело успеха. Подразделения 45-й стрелковой дивизии смогли продвинуться лишь на 600 метров. Памятуя о предыдущих тяжелых боях, немецкое командование сосредоточило на этом участке фронта два полка 170-й пехотной дивизии, оголив при этом район Марьино. Именно там и был осуществлен первый успешный прорыв 136-й стрелковой дивизии, сыгравший судьбоносную роль в исторической встрече Ленинградского и Волховского фронтов у 1-го и 5-го Рабочих поселков.

Так что пятачок сыграл свою важную роль в прорыве блокады, стянув на себя значительные силы немецких войск и заставив их ошибиться в установлении направления главного удара советских войск.

17 февраля 1943 года немцы под угрозой окружения оставили позиции перед Невским пятачком. Выполнив свою задачу, Невский плацдарм прекратил существование, которое с учетом полугодового перерыва продолжалось около 400 блокадных дней.

Еще раз о потерях на Невском пятачке

С 1975 года в нашей справочной и военно-исторической литературе утвердилась цифра о 200 тысячах советских солдат, погибших на Невском пятачке. Цифра явно заказная, из газеты «Правда» к очередному юбилею Победы. Видимо, кому-то захотелось таким образом показать преимущество нашего горя над немецким.

К сожалению, наверное, никогда не удастся точно установить число погибших там. Но реально оценивать ситуацию надо, отделяя потери в боях за овладение плацдармом и на самом пятачке. Самые крупные потери несли наши войска на правом берегу Невы в местах переправ и при форсировании реки. Здесь были сконцентрированы все силы атакующей стороны. В этот момент солдат еще не был готов к бою и оставался полностью беззащитным, не имея возможности укрыться от воздушных налетов противника и артиллерийского огня. А именно от него был наибольший урон. Уже к концу сентября 1941 года немцы подвели к Неве дивизион артиллерийско-инструментальной разведки, который с точностью до метра просчитал данные по всем участкам переправ советских войск. После чего были созданы три артиллерийские группы: «Север», «Центр» и «Юг», расположившиеся на Невском фронте от Шлиссельбурга до Отрадного. Крупнокалиберная артиллерия, в том числе специально доставленные французские 150-мм гаубицы и 210-мм минометы были укрыты на Келколовских высотах. Из района Синявино огневую поддержку оказывали орудия 227-й пехотной дивизии. Большие потери среди наших войск вызывала вражеская авиация из состава немецкого 1-го Воздушного флота, так как у советской стороны, особенно в начальный период, не было достаточного количества средств противовоздушной обороны.

Оценочно можно все-таки ориентироваться на цифру в 50 тысяч советских солдат, погибших на самом Невском плацдарме, учитывая при этом, что были не только периоды наивысшего напряжения боев, но и отдельные паузы, когда в основном велась снайперская война. Не следует забывать, что полгода – с конца апреля до середины сентября 1942 года – территория пятачка была в руках немцев. Необходимо также помнить о том, что из-за его крошечных размеров (около двух километров по фронту и до 800 метров в глубину) практически не было возможности размещения там большого количества войск. Однако даже это количество, уменьшенное в четыре раза в сравнении с официально признанными данными, заставляет задуматься о величии самопожертвования людей, шедших фактически на верную смерть. До сих пор поисковые отряды находят сотни останков погибших, лежащих там в несколько рядов.

Немецкие потери убитыми в боях за Невский плацдарм составляют оценочно около 10 тысяч солдат. Все эти данные подлежат уточнению. Но хорошо бы их считать отправными, поскольку они в любом случае реальнее тех, что до сих пор фигурируют в официальных источниках.

Бои за Невский плацдарм уходят в историю вместе с его участниками. А вместе с ними постепенно стирается память о тех событиях. Это естественный, хотя и грустный процесс. Поэтому сегодня все более актуальным становится вопрос: как продлить эту память, это чувство сопричастности к героической трагедии Невского пятачка? Как не броситься в очередную крайность, говоря о бессмысленных жертвах войны, забывая, что защитники плацдарма приближали победу?

Отрадно, что мероприятия по случаю 70-летия Великой Победы вызвали дополнительный приток военно-исторических исследований, эмоциональных воспоминаний, дискуссий, дифирамбов, а также критических замечаний. Но вместе с тем хотелось бы, чтобы при этом соблюдалось этическое чувство меры при описании боев за плацдарм на Неве. Это необходимо во имя погибших солдат и ради здравствующих ветеранов Невского пятачка и битвы за Ленинград.

Блокадный дневник Клавдии Никифоровой

С «Блокадным дневником» Клавдии Ивановны Никифоровой я познакомился во время съемок документального фильма о Невском пятачке. Режиссер фильма Нина Прахарж дала мне посмотреть рукописную тетрадь. Это была копия воспоминаний блокадницы о страшном военном времени. В них ясным почерком были помещены и три небольших стихотворения. В предисловии к дневнику обратила на себя внимание такая запись: «Завещан моей внучке Власовой Анне Валерьевне». Приложен был также адрес самой Клавдии Ивановны в Ульяновске и ее телефон.

Мне стало интересно узнать, где находится оригинал дневника, жив ли автор, и если да, то имеется ли возможность поговорить с этой женщиной, так просто и доступно написавшей о величии подвига и человеческом горе ленинградцев. Не откладывая дела в долгий ящик, позвонил в Ульяновск и имел счастье разговаривать с самой Клавдией Ивановной, которая любезно поведала историю одного из своих стихотворений, помещенных в дневнике. Написала она его в самое смертное блокадное время, когда многими ленинградцами овладела безысходность, они подошли к краю пропасти, из которой уже не могло быть возврата. По своему стилю и ритмике стихотворение созвучно «Казачьей колыбельной» Михаила Лермонтова. Написано оно было в феврале 1942 года, называется «Блокадная колыбельная».

Вновь воздушная тревога.
За ночь третий раз.
Я лежу в своей постели,
Не смыкая глаз.
Мой единственный сыночек
Рядышком лежит.
Неподвижный и холодный,
Третьи сутки спит.
Спи, родной, не просыпайся!
Я прошу как мать!
Вдруг опять попросит хлеба,
А мне негде взять!
Тяжко каждому солдату
На любой войне!
Умирать голодной смертью
Тяжелей вдвойне.
Скоро я по Божьей воле
Обрету покой.
Перед смертью крепко-крепко
Обнимусь с тобой!
Чтоб в одной могиле братской
Вместе нам лежать!
Спи, мой славный! Спи, хороший!
Я прошу как мать.
В нашем городе блокадном
Хуже, чем в аду.
И я с радостью великой
На тот свет уйду!
Уготовано за муки

Место нам в раю!
Спи, дитя мое родное!
Баюшки-баю.

В этом стихотворении Клавдия Никифорова рассказала о безутешном горе своей матери и умиравшем десятимесячным брате Сереже. Он умер позднее, в поезде, когда семью удалось наконец эвакуировать. Клава, ей тогда было восемнадцать лет, вынесла тело брата из вагона на остановке и положила сверху на гору других трупов. Названия станции она не запомнила. Всего из многодетной семьи Никифоровых умерли одиннадцать человек. Отец Клавы ушел из жизни самым первым, еще до войны. Он был расстрелян в 1937 году как «враг народа».

В «Блокадной колыбельной» меня поразило то, как восемнадцатилетняя девушка смогла понять и передать чувства женщины-матери, какой она сама еще не была. Страдания матери стали ее собственной мукой, ее горем. Стихотворение проникнуто безысходностью, покорным ожиданием смерти как избавления. Оно передает состояние человека, дошедшего до последней грани, разделяющей жизнь и смерть. Этот человек уже готов переступить черту, надеясь, что смерть прервет страдания, станет не просто избавлением от них, а переходом в иное состояние, где душа, а не измученное тело продолжит дальнейшее существование.

В «Блокадном дневнике» представлены еще два стихотворения, написанные Клавдией Никифоровой. Они совсем другие, отражающие патриотический порыв ленинградцев. Эти стихи притягивают, вместе с автором испытываешь гордость за непокоренный город. Стихи подкупают жизненной силой автора. Они проникнуты верой в то, что удастся отстоять Ленинград.

Первое стихотворение, написанное блокадной зимой, когда еще оставались физические силы, называется «С Новым 1942 годом!».

*Без елок и свечей
При отблесках коптилок,
Встречаем мы сегодня
Новый год!
Но в будущее смотрим с оптимизмом:
Переживет блокаду наш народ!
В историю уходит
Сорок первый год.
Поднимемся, друзья!
Часы уж полночь бьют.
Водою снеговой
Наполним наши чарки
И выпьем их до дна
Под бомбовый салют.*

Другое стихотворение отличается еще большей силой оптимизма. Написано оно было в январе 1942 года.

Настанет час

Стервятники со свастикой на крыльях
Ночами темными над городом кружат,
Но не падет покорно на колени

Великий и прекрасный Ленинград.
Морозной сизой дымкою окутан,
Стальным кольцом блокадным окружен,
Лишен тепла, воды и хлеба,
Но не повержен, не сражен!
Творение Великого Петра
Любой ценою отстоять готовы.
Придет возмездья грозный час.
Мы сокрушим блокадные оковы.

Три стихотворения отражают многогранность того, что пришлось пережить ленинградцам на протяжении 900 блокадных дней. По меткому и образному замечанию ветерана войны, доктора исторических наук М. И. Фролова, это и реквием в память о погибших, и салют во славу защитников Ленинграда.

Интересно было узнать, как Клавдия Ивановна относится к тем, кто блокировал город и принес ей и ее семье столь большие страдания. Она сказала, что забыть тех зверств, которые вершились немцами, она никогда не сможет, хотя в то время, находясь в осажденном Ленинграде, видеть оккупантов, естественно, не могла. Встретилась она с ними позднее на Кубани в эвакуации в 1942 году, когда наши войска отступили. Немецкие солдаты проезжали по мосту, где она как раз остановилась. Увидела их и онемела от ужаса. Они спросили у нее насчет квартиры для постоя. Она сказала, что сама беженка, эвакуированная из Ленинграда. Услышав это название, немецкие солдаты сочувственно закивали головой. Точно такой же случай произошел, когда в комнату, где они проживали, зашел немецкий офицер. Он также закачал головой, повторяя «Ленинград, Ленинград».

Если кто захочет ознакомиться с «Блокадным дневником» Клавдии Никифоровой, то оригинал находится в Ульяновском государственном музее. Копия дневника хранится в музее-заповеднике «Прорыв блокады Ленинграда» в городе Кировске Ленинградской области.

С нетерпением буду ждать, когда он выйдет отдельной книгой.

Однофамильцы

К автобусу мы возвращались уже без гвоздик. Мы – это группа ветеранов, общественных деятелей и молодежи, прибывших в Германию на международный семинар по проблемам примирения. В ходе семинара возложили цветы на советские могилы.

– Я нашел его, – он сказал это с явным облегчением, будто выполнил какое-то особое, одному ему известное поручение.

– Кого? – спросил я.

– Своего Яковлева.

– Вашего родственника?

– Да, нет – просто своего однофамильца.

На семинаре Народного союза Германии в Травемюнде в 2000 году.

Справа налево: писатель Д. А. Гранин, вице-губернатор Санкт-Петербурга В. П. Яковлев, скульптор Г. Д. Ястребенецкий

Удивление на моем лице, видимо, было столь выразительным, что Владимир Петрович Яковлев, вице-губернатор Санкт-Петербурга и председатель комитета по культуре, предложил мне вернуться к плитам с именами советских военнопленных. Они погибли в застенках немецких лагерей в годы Второй мировой войны. На этом кладбище неподалеку от концлагеря Берген-Бельзен их было около 40 тысяч. Большинство так и ушли безвестными, но часть удалось идентифицировать по архивным данным и захоронить поименно. Одним из них оказался и солдат Яковлев. Сейчас на плите с его именем лежала красная гвоздика.

Меня вдруг пронзила мысль о том, каким человеческим оказался жест моего собеседника. Владимир Петрович положил эту одинокую свою гвоздичку, как будто доводился родственником неизвестному ему Яковлеву. Это был жест человека, а не чиновника. И это доставило ему гораздо большую радость, чем обязанность участвовать в традиционных возложениях венков.

– Я стараюсь делать это всегда, когда бываю за границей и посещаю русские могилы, – продолжал Владимир Петрович свой рассказ. – Наша фамилия ведь встречается

достаточно часто, в том числе и на старинных русских кладбищах во Франции и даже в Австралии.

– А вас не волнует, кем мог быть ваш очередной Яковлев? – спросил я его. – Может быть, это был преступник?

– Но ведь на могиле этого не написано. А в истории громких злодеев с такой фамилией я не встречал.

Уже сидя в автобусе, я все еще продолжал находиться под впечатлением от увиденного. К стыду своему, сам я ни разу не удосужился возложить цветы на могилы своих однофамильцев на чужбине, хотя встречал их не раз.

Впрочем, под Санкт-Петербургом я тоже нашел своего однофамильца. Рядом с немецким кладбищем у деревни Сологубовка, что находится под Мгой, в 2003 году была отреставрирована церковь Успения Божией Матери. В некоторой степени этому способствовал и петербургский центр «Примирение», который я тогда возглавлял. Расположена церковь на высоком холме, так что видна издалека. Когда-то к ней примыкало маленькое кладбище, где по обычаю хоронили местных священников. Самым первым здесь был похоронен настоятель по фамилии Лебедев. Звали его Николаем Алексеевичем. Он прожил долгую и полезную жизнь с 1819 по 1891 год. Именно при нем начиналось строительство этого храма в 1852 году, при нем же церковь достраивалась в 1880 году, и сегодня, после реставрации, у нее именно такой вид, какой был в последние годы жизни священника Лебедева.

После того как во время реставрации церкви надгробный камень был поднят из ямы, где он лежал присыпанным долгие годы и, возможно, именно поэтому уберется от разрушений, его установили как памятный знак с тыльной стороны церкви. Возле него экскурсанты, посещающие немецкое кладбище, парк мира и храм Успения Божией Матери, обычно завершают обзор. Сопровождая немцев в Сологубовку, я всякий раз останавливаюсь у этого камня с православным крестом. В шутку говорю им, что сейчас покажу свою могилу. Эффект бывает стандартным: немцы озадаченно смотрят на меня, стоящего у могилы своего однофамильца, и в первое мгновение не могут понять, как же это я воскрес. Потом уже воспринимают это как шутку. Так было много раз, но однажды после такого показа ко мне подошел один из участников немецкой туристической группы и представился лютеранским священником. Его слова мне запомнились. Он сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.